

культуры) даже в том случае, если узнавание происходит совершенно безотчетно.

«Высокие» источники вошли в состав творчества Булгакова по-другому — пушкинской метафорой, проставленной в эпиграфе и проведенной через весь роман «Белая гвардия», прямыми цитатами из Достоевского, узнаваемыми именно как цитаты, типологией шиллеровской сцены, использованной на манер музыки, к которой сочинены другие, новые слова. К источникам этого ряда — благоговейно-почтительное отношение. К источникам «пониже» — отношение хозяйски-распорядительное, как если бы это был фольклор, принадлежащий всем и никому. Они перемалываются, оспариваются, комбинируются, лепятся заново, — вот, дескать, как надо. В точном соответствии с мыслью Ю. Тынянова, творчество вершинного мастера вырастает не из предыдущего вершинного мастера, а из нереализованных возможностей предшествующих мастеров и подмастерьев другого уровня — нижних этажей литературы.

Во-вторых, с наибольшей вероятностью становились «источниками» произведения, которые тем или иным способом — своей темой, биографией автора или читательскими впечатлениями Булгакова — были связаны с Киевом. В своем большинстве они, если не объективно, по существу, то субъективно, для Булгакова, несут на себе «киевскую печать». Произведения, рассказывающие о событиях, происходящих в Киеве, написанные «киевским» автором, прочитанные в Киеве или увиденные на киевской сцене, составили для Булгакова наиболее лирически ценный культурный слой — так сказать, «киевскую культуру». Мало сказать, что Булгаков прославил в своих произведениях родной город — нужно, расположив булгаковские источники по указанным признакам, убедиться, что писатель смотрел на мир с киевских высот, что его культурные представления обладали «кивоцентрическим» устройством.

Опираясь на эти два признака булгаковских источников, следовало бы априорно, до исследования, предположить интерес Булгакова к такому художнику, как Александр Иванович Куприн — «киевский писатель», создавший знаменитые в начале века картины города и «киевские типы». За Булгаковым, впервые попавшим в Москву осенью 1921 года, долгое время тянулась репутация «писателя из Киева»,

и в этом смысле Михаил Афанасьевич, естественно, должен был видеть в Куприне своего прямого предшественника (как видел он, должно быть, в Вересаеве предшественника по «Запискам врача»).

Напечатанные в киевской периодике, а затем вышедшие здесь же, в Киеве, отдельными книгами «Киевские типы» (1896) и «Миниатюры» (1897) Куприна были, в сущности, первыми серьезными опытами художественного «освоения» города. Ведь «Печерские антики» (1883) Н. С. Лескова, строго говоря, были еще не «городской», а «монастырской» литературой, а «Киевские рассказы» (1885) И. И. Ясинского (Максима Белинского) — вещь художественно незначительная, как и другие, беспомощные, канувшие во тьму забвения, попытки дать литературно-художественный образ Киева. Книжки Куприна, изданные в Киеве, и более поздние его вещи, связанные с Киевом тематически, стали поворотным пунктом в художественном осмыслении киевской культуры — городской «особости» — на рубеже веков.

За время своего пребывания в Киеве (с 1892 по 1899 год) Куприн опубликовал в киевской прессе не менее ста произведений — рассказов, очерков, репортажей, статей, стихов — оригинальных и переводных, интервью и т. д. (по сведениям библиографа А. В. Шабунина). Но и после отъезда писателя Киев продолжал оставаться для него городом дорогих воспоминаний молодости, неисчерпаемым вместилищем впечатлений и еще чем-то неизмеримо большим: бытийственно значительным пространством, наиболее благоприятным для развертывания сюжетов его произведений. Столько раз изображенная Куприным первая любовь обычно протекает в Киеве, превращая его в город вечной первой любви, а пресловутая «Яма» — это не просто заштатный бордель на киевской Ямской улице, но именно всемирная нравственная яма, страшный провал в человечестве, мучительный вопрос, заданный городу и миру, на манер блоковского: «Разве это мы звали любовью? Разве так повелось меж людьми?»

То же самое — в эмигрантских вещах Куприна. Более того, именно там, в добровольном изгнании, на которое обрек себя демократический художник Куприн, Киев засверкал для него небывалой ностальгической прелестью, и нужно еще посмотреть, сколько тамошних своих вещей он